

«Кънигы животныя»

И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею,
раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее

(Откр. 5:3)

Книги, о которых пойдет речь в данной заметке, занимают в репертуаре древнерусской книжности призрачное место. Содержащиеся в памятниках древнерусской письменности сведения о них крайне скудны. В этой связи прежде всего вспоминается похвала, сложенная в середине XI в. крестителю Руси — князю Владимиру киевским митрополитом Иларионом. Прославляя деяния последнего, ему, среди прочего, представлялось важным отметить следующее:

чловечское естъство . съвлѣче же ся убо каганъ нашъ и съ ризами ветъхааго чело-
ловека . съложи тлѣннаа . отрясе прахъ невѣриа . и вѣлѣзе въ святую коупѣль . и
породися от духа и воды . в Христе крестився въ Христа облѣчеса . и изиде от
купѣли бѣлообразжюся . сынъ бывъ нетлѣнна . сынъ въскрѣшениа . имя приимъ
вѣчно именованъ на роды и роды . Василии . имъ же написася въ книги животныя . въ
вышнимъ градѣ и нетлѣннѣимъ Иерусалимѣ¹.

В новелле *Киево-Печерского патерика*, повествующей о сооружении монастырской Успенской церкви (Слово 3) говорится о том, что всякий, кто сподобится быть погребенным в этом храме будет записан в «животныя книги»:

[...] и какое славы и похвалы улучшить положенный в тѣи и написанный в ней въ
животныя книги, и еже пред тоя (Богородицы. — *В.Р.*) очима поминаему быти
всегда².

Из рассказа о Леонтие Затворнике (Слово 26) явствует, что имена основателей Киево-Печерской обители — Антония и Феодосия, а также других черноризцев, погребенных в монастырских пещерах, «вписанна суть въ книги животныя»³. Из контекста, приведенных свидетельств источников, представляется очевидным предназначение этих книг — в них записываются имена праведников. Так, цитированным выше словам Илариона ближайшую аналогию находим в пророчестве Исаяи, в котором также говорится о «книгах для житья в Иерусалиме», куда будут вписаны «оставшиеся на Сионе» праведники: «Тогда оставшиеся на Сионе и уцелевшие в Иерусалиме будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для житья в Иерусалиме» (Ис. 4:3).

Существовала ли на Руси практика письменной фиксации имен праведников в специально предназначенных для этой цели книгах, именуемых «кънигы животныя» или «книги жизни»?

Следует отметить, что само слово *животъ/жизнь*, по мнению В.В. Колесова, восточные славяне заимствовали у болгар в середине XI в.: «[...] оно пришло на Русь в переводных текстах, главным образом духовного содержания, и с самого начала было книжным — высоким и торжественным. Сочетания его с другими словами в предложении показывают, что *жизнь* всегда соотносится с понятием вечной, божественной, духовной жизни»⁴. Такое содержательное наполнение понятия *животъ/жизнь* нашло свое отражение, как представляется, и в названии «книги животныя». Оно ближайшим образом сопряжено с представлениями о *небесной книге жизни*, отразившихся в библейской лектуре.

В Ветхом Завете образ *небесной книги жизни* появляется уже в Пятикнижии Моисеевом. Там впервые упоминается некая «книга Господа», куда вписаны Моисей и другие праведники (Исх. 32: 32–33). Несколько значимых ее упоминаний содержится в Псалтири (Пс. 56:9; 68: 29; 138:16) и пророческих книгах. В них уже более полно отразилось представление о существовании некоей особой *небесной книги* или книг, куда записываются праведники: «Но боящиеся Бога говорят друг другу: «внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его» (Мал. 3:16). Ему решать, кто останется записанным в *книге жизни*, а кто будет изглажен из нее: «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» (Откр. 3: 5). Эта, запечатанная «до последнего времени», книга раскроется на престоле суда: «Видел наконец, что поставлены были престолы. И воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Нем; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Нем; судьи сели и раскрылись книги» (Дан. 7: 9–10).

Откровение Иоанна Богослова утверждает, что мертвые в конце времен будут судимы перед лицом Бога по *книге жизни*: «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20: 11–12).

Запись имени в *книге жизни* предполагает вечную блаженную жизнь в эсхатологическом граде Небесном Иерусалиме: «...вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства» (Евр. 12: 22–23). Праведные станут истинными гражданами Нового Иерусалима, сходящего от Бога с неба, великого и святого града, а грешники не удостоятся войти туда: «И не

войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21:27).

Таким образом, запись имени в *книге жизни* является результатом всех дел человека, итогом его жизни, и определяет решение посмертной участи. Тому, кто не был записан в книге жизни уготовано быть брошенным «в озеро огненное» (Откр. 20:15). Говоря о записи князя Владимира/Василия «въ книги животныа . въ вышнем градѣ и нетлѣннѣмъ Иерусалимѣ» Иларион, следовательно, подразумевает обретение им вечной жизни и памяти: «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13: 8). Высказанная Иларионом «высоким слогом», эта идея о сохранении памяти о Владимире на небесах и земле задекларирована и в летописи:

[...]и видя бы Богъ тцанье наше к нему: прославиль бы и: намъ бо достоить за нь Бога молити: понеже тѣмъ Бога познахом: но дажь ти Господь по сердцю твоему: и вся прошенья твоя исполни: сгоже желаше царства небеснаго: дажь ти Господь вѣнецъ с праведными: в пищи раистѣи: веселье и ликьствованье съ Авраомъ и с прочими патриархы: якоже Соломонъ рче: оумершю мужю праведну: не погыбаеть оупованье: сего бо в память держать Русьстии людье: поминающее святое крещенье⁵.

В скудном мире письменной культуры традиционного общества, каким была Киевская Русь, «книги животныа» не выказывают признаков своего существования, пускай даже в такой своеобразной форме, как *libri memoriales* западного Средневековья⁶. На Руси, по мнению И.Д. Данилевского,

в качестве таковых вполне могли рассматриваться летописи, которые со второй половины XI в. превращаются в реестр деяния людей, упоминающихся в них⁷.

«Животные книги» — символ Божьего всезнания, от которого невозможно скрыться: все благие и злые дела людей записаны на небесах и откроются в день Страшного суда. Но для людей до Страшного суда остается тайной, чьи имена записаны в *книге жизни*, а чьи — нет. Только на Страшном суде откроется книга людских деяний и, как ее итог, *книга жизни*. Вот почему следует полагать, что «книги животныа» или *книги жизни* существовали лишь в воображении, оставаясь насыщенным библейскими коннотациями идеальным образом, составляющим одну из форм средневековой *memoria*.

В завершение стоит добавить, что представления о существовании некой *книги жизни*, оставаясь актуальными на протяжении всего средневековья, не угасали в православном сообществе вплоть до нового времени. «Животная книга» являлась основой учения духоборов — сектантов протестантского толка второй половины XVIII в. Положения этой призрачной *книги жизни* сохранялись в устной форме: она «написана в сердцах» верующих⁸. Следы их бытования в письменной культуре не обнаруживаются.

- 1 «Слово о законе и благодати» Илариона. Изд. А.М. Молдован. К., 1984, 92–93.
- 2 *Києво-Печерський патерик*. Упор. Дмитро Абрамович. К., 1931 (Серія «Пам'ятки мови та письменства давньої України») [Репринтне издание. К., 1991], 9.
- 3 *Києво-Печерський патерик*, 128.
- 4 Колесов В.В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Л., 1986, 76–77.
- 5 *ПСРЛ* 1: 131.
- 6 Следует однако оговориться, что западноевропейские книги памяти — *libri memoriales* — это собирательное название хранившихся в монастырях и церквях списков поминаемых на литургии умерших и здравствующих людей. К ним относились также составленные по дням смерти в календарном порядке поминальные книги.
- 7 Данилевский И.Н. *Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов*. М., 2004, 233.
- 8 Мильков В.В. *Древнерусские апокрифы*. СПб., 1999 [Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. I], 249.

Владимир Рычка

«**Ико бѣжалъ есть Михаилъ ис Кыева**»

Безпосереднім продовженням оповіді *Галицько-Волинського літопису* про долю Києва в переддень монгольського завоювання є наступний (уміщений між епізодами «споглядання» Києва Менгу-ханом та штурма міста Батием) фрагмент:

іако бѣжалъ есть Михаилъ ис Кыева . в Оугры . ѣхавъ іа княгиню его . и боарь его поима . и горо^а Каменѣць вза . слышавъ же се Даниль . посла слы река . поусту сестроу ко мнѣ . зане іако Михаилъ . шѣима нама зло мыслить . и Ярославъ оуслыша словеса Данилова . и бы^б тако и приде к нима сестра . к Данилоу . и Василкоу . и держаста ю во велицѣ ч^вти . король же не вдасть дѣвкы своей Ростиславоу . и погна и прочь . идоста . Михаилъ и Ростиславъ . ко оуеви своему в Лахы и ко Кондратови . присла бо Михаилъ . слы Данилоу и Василкоу . река многораты согрѣшихо ва^в . и многораты пакости творах ти . что ти шѣщахъ и того не створи^г . аще коли . хотяхъ любовь имѣти с тобою . невѣрнии Галичанѣ не вдадохут ми . нынѣ же клатвою клену ти^с . іако николи же . вражды с тобою не имамъ имѣти . Даниль же и Василко не поманоуста зла . вѣ^аста емоу сестроу . и приведоста его из Лаховъ . Даниль же свѣгъ створи . со брато^м си . шѣща емоу Киевъ . Михаилови . а сѣнови его Ростиславоу вдасть Лоуческъ . Михаилъ . иже за страхъ Татарьскыи не смѣ ити Кыевоу . Даниль же и Василко . вѣ^аста емоу ходити по землѣ своей . и даста емоу пшеницѣ много . и медоу и говадъ и шѣць доволь^л .

Як видно, унаслідок якихось маніпуляцій із текстом початок фрагмента виявився втраченим. Обсяг втраченого тексту невідомий, але зв'язність викладу відновлюється, коли реконструювати початок фрази як «Слышавъ же Ярославъ» або ж «Оувѣдавъ же Ярославъ».

Щодо особи цього «Ярослава» думки дослідників розділилися. Грушевський гадав, ніби йдеться про Ярослава Ингваревича², що позначилося на перекладі Махновця³ і відбито в коментарі Котляра⁴. Однак Ярослав Ингваре-